

признаки революционной ситуации

на Чеховском фестивале сыграли «Пьесу без слов»

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ

Если бы у Чеховского фестиваля существовали свои награды, то постановке британца Мэтью Боурна «Пьеса без слов» следовало бы, видимо, вручить специальный приз за чувственность. Действие спектакля происходит в Лондоне накануне сексуальной революции 1968 года. Всесокрушающая сладострастность, витающая в воздухе с первой минуты представления до последней, в конце концов тихой сапой проламывает все социальные перегородки.

Трудно вообразить более лондонский Лондон, чем тот, что сооружен в «Пьесе без слов». Фоном для танцоров стала стандартная туристическая открытка, где на величественную декорацию Челси наляпано небрежными ироническими аппликациями все, что полагается в таких случаях: Биг-Бен, красная телефонная будка, красный двухэтажный автобус (сценограф Лез Брадерстон). Приложением к типовым зданиям послужили типовые лондонцы, не узнать которых тем паче невозможно: Джентльмен, Леди, Слуга и Служанка, а также Простой Парень в клетчатой рубашке — такие в английском языке метко называются redneck (красношее). Пятеро персонажей — правда, всех их не сходя с места следует умножить на три. Дело в том, что хореограф Мэтью Боурн размножил героев, подчеркнув та-

ким манером их классовую идентичность. Одетое в неотличимые униформы, кружится в танце огромное количество слуг и хозяев, а также их подружек. Движения то дублируются, то входят в противопазу, а порой двойники в своих действиях решительно расходятся в три разные стороны, словно расщепившийся Илья Муромец на распустье.

Остроумный ход с клонированными людьми используется изобретательным Боурном с максимальной выгодой для спектакля. В какую-то минуту у главного героя спросонья затроится в глазах, и он, ошалев, будет лицезреть своего слугу, единого в трех лицах, а в иной момент персонаж, выйдя из собственного тела, может последить со стороны за своими утехами с хорошенькой девчонкой. Одна из самых смешных — сцена, где тело лондонского денди превращает-

ся в манекен для одевания и раздевания, эдакий тренажер для Слуги, спокойно и лихо управляющегося со всеми сорочками, жилетами и манжетами.

Все манекены «Пьесы без слов», живущие в жестко регламентированном британском обществе 1965 года, движутся по неизменным траекториям, но на их орбиты способна повлиять та великая сила, имя которой — либидо. Мэтью Боурн специально пометил в программке, что спектакль создан «по впечатлениям от фильма Джозефа Лоузи «Слуга», но, как бы режиссер не впечатлился той картиной с Дирком Богардом в главной роли, очевидно, что по мере своей работы он ушел довольно далеко от первоисточника. Его «Пьеса без слов» превратилась в гимн торжествующей телесности. Зачем пьесе слова, когда случайное скрещенье рук или ног способно сказать намного больше? Здесь будто магнитами притягиваются друг к другу тела, а красноречивый взгляд делается важнее любых слов и социальных установлений. Хозяин спит со служанкой, леди отдается грубому мужику. Последние становятся первыми, первые — последними, и над миром в конце концов торжествует Слуга. Именно так, по версии Боурна, видимо, и совершаются революции.



Фотограф: Роман Мухаметжанов/Газета